«МОЛОДЕЖЬ ЭСТОНИИ»
г. Таллин
13 НОЯ 1973

АКТРИСА

ПО ИТОГАМ ВСЕСОЮЗНОГО СМОТРА ТВОРЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ АРТИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ АКТРИСА КАТРИН КАРИСМАА НАГРАЖДЕНА ДИПЛОМОМ III СТЕПЕНИ.

Крепкая, жизнерадостная девочка, не верящая, что кто-нибудь может причинить ей серьезную боль. Женщина, не верящая, что ее можно разлюбить. Дочь, не считающая себя обязанной безусловно разделять образ мыслей родителей. Самостоятельные, сильные, в чем-то даже резкие натуры. Леа и Элли. Две настоящие крестьянки, в которых некоторые усматривают национальный женский идеал. Леа из пьесы Юхана Смуула «Леа» и Элли из спектакля Таммсааре-Пансо-Кюла «Человек и человек». В позапрошлом и прошлом сезонах эти роли сыграны Катрин Карисмаа в Таллинском Академическом театре драмы им. В. Кингисеппа. Факт, сам по себе значительный в творческой биографии молодой актрисы, а вкупе с другими фактами и достаточно красноречивый.

В 1968 году Катрин Карисмаа закончила факультет сценического искусства Таллинской консерватории, и ее пригласили на работу в театр оперы и балета «Эстония». Начало не было особенно блестящим (Софилина Лолле в «Каникулах в Риме», Беатриче в «Королевской ложе» и так далее). Но в 1971 году родилась Альдонса в мюзикле «Человек из Ламанчи». Работа эта получила полное признание у себя дома, была отмечена и на гастролях театра в Москве — прежде всего благодаря подлинности и силе созданного образа.

Вольдемар Пансо, конечно, знал артистические данные Катрин Карисмаа. И приступив к работе над инсценировкой пятой части романа Таммсааре «Правда и право», он не нашел среди своих учеников более подходящей Элли — этой насквозь эстонской сельской девушки. Личность Катрин Карисмаа послужила и своеобразным толчком к повторной постановке «Леа» — именно такой девочкой и представлял Вольдемар Пансо смууловскую Леа.

Такая девочка... Такая актриса...

В «Сборщиках хмеля», дипломном спектакле, где Карисмаа играла главную роль, мы запомнили ее искреннюю, органичную игру. Запомнилась она именно этим и ничем другим. Альдонса, Элли, Леа — эти образы схожи (как мы думаем теперь, увидев их в исполнении Карисмаа) какой-то особой всепокоряющей силой, заложенной в них душевной цельностью, которая угадывается и в физическом облике: в сильных и чутких руках, в выразительных плечах, в лице, на котором отражается напряженная внутренняя жизнь, во взгляде — внимательном, ожидающем, возбужденном, сомневающемся, отчаянном, обращенном внутрь себя или доверчиво отданном миру, — мертвом или пустом, но никогда не ложном, вялом или невыразительном.

Элли и Леа — обе узнали в жизни боль неожиданной утраты.

В Элли быстро зреет любое чувство — будь то расположение, дружба, вражда или отчаяние. Но, определясь, оно не тлеет, а накаляется и взрывается. И после такого взрыва мир для Элли снова ярок и светел. Так ее сыграла Карисмаа — спонтанная, искренняя, следующая своему внутреннему чувству, в чем-то равнодушная, где-то резкая, цветущая молодая женщина. Ей не дано глубоко чувствовать и глубоко мыслить, замкнутый мир хутора Соосара породил в ней чувство постоянства и стабильности мира, и первое серьезное столкновение с «изнанкой жизни» существенно не изменило ее.

С Леа дело обстоит по-другому. Да и сама она другая. Леа делает свой выбор на «сквозняке» того сложного времени, когда сталкиваются разные идеи и веры, когда все смешалось, и так нелегко отличить друзей от врагов, когда более спокойным представляется верование в умершие догмы, чем в живых людей... Она не верит в застывшего Иегову, бога своей матери, но не верит и в новые истины и деяния Энделя Аэра, ибо они для нее непривычны, а потому и сомнительны. Ее бог—любовь, Эско Трахтер, юноша, чьими мыслями и словами она думает и говорит. Леа не пытается вникнуть в смысл этих мыслей и слов. Она слепо верит в них, ей кажется, что они ее собственные. Сначала Леа — сильная, готовая к бою и счастливая. Она не слушает предупреждений со стороны. Но вот наступает крах. Богатый хуторянин выбирает богатую невесту и отвергает любовь бедной — обычный факт из не столь далекой истории. Для Леа это — разрушение будущего, сломанная жизнь, гибель.

Леа в исполнении Карисмаа — красивая и гордая девушка, уверенная в себе и находчивая в спорах. Она ни на минуту не допускала мысли о том, что может быть отвергнута. Она не может себе представить, что может быть отвергнута, даже тогда, когда все высказано прямо. И в этот момент такая естественная и искренняя Леа (и такая импульсивная и органичная актриса) становится вдруг угловатой и неестественной.... Ею словно движет какой-то мертвый механизм: мир, который создал для себя человек, в котором он жил и в который он верил, вдруг перестал существовать. Взять веревку и положить конец тому, что еще осталось и существует, уже кажется не трудным...

И только в спасительных объятиях матери пронзает все существо Леа режущая боль...

Отсюда путь к богу своей матери логичен и прост. Ведь должно же быть что-нибудь, во что можно верить. Сердца больше нет, разум толкает уцепиться за что-нибудь, что несет мир, любовь, убежище. И необходим новый образ мыслей, новое толкование мира. Ибо старый погиб вместе с любовью Эско Трахтера. Карисмаа играет свою Леа сильной, цельной личностью, которая, раз погибнув, должна снова возродиться. Возродиться другой, но тоже сильной, такой же убежденной в правильности своей новой веры. Что в этой правде нет жизни, что она чужая, окаменевшая, мертвая — это уже не важно для Леа. Ей нужен смысл, идея существования, бытия. Здесь начинает звучать новая «Леа» Пансо в ее новом, более широком значении. Уже не столько человек и бог, сколько человек и идея. Идея жизни или идея смерти. Идея мира и идея борьбы. Гаснущая и застывающая идея и нарождающаяся и сознательная идея... У каждого своя...

Второе отречение Леа от образа мыслей, уже ставшего своим, означает и новое пробуждение для жизни и любви. Оно более затяжное и сложное, мешают наболевшие воспоминания, осторожность, замкнутый ее характер. Но именно такую Леа и должен победить Эндель Аэр, его любовь, его правда. Смерть Аэра означает для Леа лишь резкое и окончательное освобождение от бога, убежище которого оказалось пронизывающим и пустым...

Сыграть перед зрителями лаконичную и насыщенную идейную драму Смуула, передать ее особый аромат — это настоящий экзамен на мастерство. Одновременно Катрин Карисмаа показала, что в эстонском театре появилась новая актриса, способная играть роли сложные, большие, наполненные глубоким чувством.

То, что Катрин Карисмаа получает одну за другой разные премии (премия Эстонского театрального общества за Элли и Леа, премия Всесоюзного смотра творческой молодежи), конечно, не самый значительный показатель ее таланта,.. но все же очень приятный показатель...

Л. ВЕЛЛЕРАНД.

На снимке: Катрин Карисмаа в роли Леа.